

УДК 391.4
ББК 63.5

В какой народ попадешь, такую и шапку наденешь: женские традиционные головные уборы русских земледельческой полосы Западной Сибири в XIX — первой трети XX века

Марина Леонидовна Бережнова

(Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва:
Российская Федерация, 644077, г. Омск, ул. Андрианова, д. 28)

Аннотация. В статье рассмотрены женские и девичьи головные уборы русских сибирячек. Приведена типология головных уборов, их названия, дана оценка их количества у девушек и женщин разного возраста. Рассмотрена времененная динамика головных уборов, включая особенности кроя и отделки.

Головные уборы служат неотъемлемой частью традиционного костюма. Поэтому дана общая характеристика традиционного костюма русских сибиряков, показано, что он к концу XIX — началу XX в. сложились два костюмных комплекса — традиционный и «городской». Ранний отказ от традиций в костюме в статье приведен как ответ на вызовы общества, сложившего в местах массовых переселений. В условиях земледельческой полосы Сибири это означает смешение русских, выходцев из разных историко-культурных зон России.

В условиях конкуренции различных локальных традиций народная культура претерпевает изменения, в результате которых региональные культурные особенности уступают место общепризнанным элементам. Их, как правило, можно отнести к общерусскому культурному пласту. «Усредненный», лишенный ярких, но специфических элементов костюм оказался подвержен влиянию моды, зависит от рынка товаров и услуг. В статье отражено, что опыт Сибири не уникален. Сценарии изменения костюмных комплексов совпадают в местах массовых переселений, это показано на примере Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: русские Западной Сибири, традиционный костюм, «городской» костюм, женские головные уборы.

Исследование проведено в соответствии с планами научно-исследовательских работ Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Дата поступления статьи: 14 апреля 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Бережнова М. Л. В какой народ попадешь, такую и шапку наденешь: женские традиционные головные уборы русских земледельческой полосы Западной Сибири в XIX — первой трети XX века // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 114–126.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.012>

В статье описаны женские головные уборы русских сибирячек, которые были распространены в XIX—начале XX в. Головные уборы стали неотъемлемой частью костюма, в том числе и традиционного. В этой статье одежда будет рассматриваться как один из символов принадлежности к определенной этнической группе. С такой точки зрения необходимо дать краткую характеристику сообществу, которое часто определяется как русские Сибири или сибиряки.

Русские и в европейской части России не были монолитны в культурном отношении. На этнической территории русских сложились разные историко-культурные зоны, а в их границах формировались отдельные субэтнические и этнографические группы, которые различались по разным признакам, в том числе и по костюму [Русские 1999, 107–117].

На территории северной историко-культурной зоны был распространен так называемый сарафанный комплекс женского народного костюма с кокошником, в южнорусской зоне — комплекс с поневой и рогатой кичкой. В междуречье Оки и Волги происходило смешивание представителей разных групп, что привело к сплетению северных и южных черт в культуре народа. Вследствие этого формировались среднерусские культурные формы, которые с течением времени были осмыслены как общерусские элементы и положены в основу национальной культуры, в том числе русского национального костюма [Русская народная одежда 2011, 766–767].

Хозяйственное освоение русскими Сибири началось еще в 80-х годах XVI

в. и сопровождалось формированием здесь постоянного населения, занятого сельскохозяйственным производством. Природные условия Сибири не везде позволяли развивать земледелие, поэтому к концу XIX в. большая часть населения сосредоточилась в так называемой земледельческой полосе Сибири. Суммируя разные точки зрения, М. В. Дорофеев определял ее как относительно небольшую территорию, ограниченную с севера глухой тайгой и болотами, на юго-западе — степями, а на юго-востоке — отрогами Алтайских гор [Дорофеев 2008, 77].

Население Сибири с момента ее присоединения к России постоянно увеличивалось не только благодаря естественному приросту, но и за счет новопоселенцев. Переселенческое движение в Сибирь в XIX — начале XX в. поддерживалось на государственном уровне. В результате русское население Сибири было очень разнородным по местам выхода и времени переселения, конфессии, сословию. По окраинам Сибири расселялось казачье население, в отдалении от основных хозяйственных и административных центров селились старообрядцы.

Массовые переселения в Сибирь официально датируются 1881–1914 гг., хотя активизировалось это движение еще в середине XIX в. Всего в Западную Сибирь за 1871–1918 гг. приехали и остались здесь 2422,7 тыс. человек, или в среднем по 53,8 тыс. человек в год [Кабузан 1979, 33]. Приехавшие были выходцами из многих губерний Европейской России и носителями разных традиций (табл. 1).

Таблица 1. Население в сибирских губерниях и областях земледельческой полосы по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Губерния и область	Всего жителей, чел.	% русского населения	% жителей родом из других губерний
Тобольская	1 207 306	88,63	16,4
Томская	1 927 679	86,01	33,47

Енисейская	570 161	82,95	26,95
Иркутская	514 267	73,58	16,28
Забайкальская обл.	672 037	66,20	6,3
Амурская обл.	120 306	68,47	48,3
Приморская обл.	223 336	35,90	39,2

Примечание. Составлено по: [Первая всеобщая перепись 1904–1905. Т. LXXVIII. Тобольская губерния, VIII, XXXII, XXXIX–XL; LXXIX. Томская губерния, V, IX–X; LXXIII. Енисейская губерния, III, V–VI; LXXV. Иркутская губерния, IV, IX–X; LXXIV. Забайкальская область, III, V, VII; LXXII. Амурская область, VII, X, XIV; LXXVI. Приморская область, VI, X, XVI].

Из приведенных сведений можно сделать вывод, что сибирское население в целом на рубеже XIX–XX вв. было многонациональным и пестрым в культурном отношении. Русские также отличались друг от друга. Считается, что до начала массовых переселений русская сибирская культура в своей основе была севернорусской, хотя в культуре южных районов уже проявлялось южнорусское влияние [Русские 1999, 114]. К временам Столыпинской аграрной реформы уже до четверти переселенцев были выходцами из Центрально-Черноземного района, т. е. носителями южнорусской культуры. Не менее трети переселенцев были выходцами из Малороссии и Новороссии [Скляров 1962, 152].

Традиционная одежда считается одним из важнейших элементов культуры. Она может демонстрировать как самобытность, так и единство отдельных субэтнических и этнографических групп, наций или сословий. Костюмы отдельных групп русских Европейской России были привязаны к конкретным локусам, типологически схожие объединялись в региональные и зональные комплексы. Причем всем элементам народной одежды присуща вариативность, которая, в свою очередь, подчинялась определенным закономерностям развития одежды [Русская народная одежда 2011, 766]. В истории российской этнографии все больше крепла уверенность в том, что локальные костюмные комплексы хотя бы в деталях, но уникальны (см., например: [Гринкова 1926; Маслова 1955; Кутенков 2011]). Такие костюмы, по мысли исследователей, служили визитными карточками пред-

ставителей отдельных групп, позволяли определить их место проживания, семейное положение, социальный статус.

Отличия в одежде, которая дома была частью повседневной культуры и не вызывала никакого удивления у окружающего населения, в условиях смешения разных традиций стали основой непонимания, осуждения и высмеивания. Переселенцы, прибывая в Сибирь, старались изменить свою одежду в соответствии с принятыми здесь нормами. Многие еще до отъезда с родины интересовались местным бытом и приезжали, приняв, насколько могли, новый облик. Особенno это касалось переселенцев из южных губерний России. Выходец из Рязанской губернии, давая советы односельчанам, собравшимся переезжать на жительство в Сибирь, писал так: «Бабы в платках ходят, в юбках, в пальтах; сощуны (женская верхняя надевка, шушпан) не нужны здесь, их не носят, запанья — тоже. Юбки по две возьмите с собой, а остальное продавайте, башмаки свои захватите» [Григорьев 1885, 189]. Так наиболее выразительные черты костюма утрачивались еще до переселения. Отказ от привычной одежды был своеобразной платой за успешное вхождение в новое сообщество.

Формирование общих культурных норм в местах массовых переселений – это особо интересная тема, которая тем не менее в этнографии уступает изучению особенностей и локальных вариантов. В этом отношении Сибирь не единственная территория, на которой объединенные в силу жизненных обстоятельств люди вынуждены искать пути согласия для построения удобного для всех соци-

ума. Подобным способом выстраивались взаимоотношения переселенцев, например, в Нижнем Поволжье (см., например, сообщения о трансформации культурных норм в ответах на вопросы программы для составления местных этнографических описаний, которую в 1847 г. разослали Русское географическое общество: [Зеленин 1914, 56–85]). Д. К. Зеленин опубликовал сообщения респондентов, датируемые 1847–1848 гг., из 28 населенных пунктов Астраханской губернии со смешанным восточнославянским населением, представленным русскими и украинцами из разных губерний. Есть описания нескольких поселений с однородными по этническому составу жителями, в одном случае отмечается, что жители «одеваются по-малороссийски» [Там же, 80]. Интересным с точки зрения восприятия чужих норм является сообщение из уездного города Черный Яр: «После венчания женщины разъезжают по улицам с песнями и рукоплесканиями, в странных и смешных уборах» [Там же, 68]. Ряд сообщений содержит лаконичную фразу: «Одежда городская» [Там же, 58–61]. Но чаще костюм описывали детальнее, отмечая, что женщины носят юбки, платья, платки, а мужчины – сюртуки.

Аналогичная ситуация сложилась и в Сибири, особенно там, где совместно проживали выходцы из разных губерний, иногда с вкраплением иноэтнических групп. Таких описаний, какие были сделаны в Поволжье, по Сибири нет. Однако в одном из документов начала XIX в. зафиксирован семейный конфликт, поводом для которого стала одежда. Оправдывая себя в деле о разводе, жительница г. Тара Тобольской губернии Устинья Сыщикова попыталась переложить часть вины на своего свекра, который якобы ссорил супругов тем, что требовал от невестки носить сарафаны, тогда как ей привычнее были юбки. Вместе с тем в деле встречается утверждение, что ей, Устинье, отец разрешал одеваться так, как она хотела [ГИАОО. Ф. 382. Оп. 2. Д. 92].

Считается, что до середины XIX в. народная одежда русских сибиряков внеш-

не очень похожа на ту, что носили жители северных районов Европейской России, и кратко может быть определена как сарафанный комплекс. К середине XIX в. одежда стала изменяться и появились ее новые виды. Более свободным стал подбор вещей в личных гардеробах. Однако выбор отдельных предметов одежды каждый человек делал не произвольно, а в соответствии с теми представлениями о красоте и целесообразности, которые существовали в обществе. По требованиям, предъявляемым к одежде, противопоставлялась праздничная и будничная одежда. В будни было принято ходить одетыми очень скромно, в недорогой одежде, иметь мало повседневных вещей. Совершенно иным стало отношение к праздничной одежде — «обряду», или «сряде». Этот костюм должен был быть ярким, богатым, затейливо украшенным. Широкое распространение получили блестящие отделки — вышивка бисером, стеклярусом, блестками, золотной нитью [Бережнова 2003].

К концу XIX в. одежда стала весьма разнообразной по крою. В одежде сибиряков выделялся традиционный комплекс, включавший одежду, сшитую по старым образцам, и поздний, так называемый городской, в который входили новые модели. Комментируя изменения в одежде русских, происходившие на рубеже XIX–XX вв., известные исследователи русской традиционной культуры, в том числе сибирской, Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова отмечали, что мужская одежда единообразна и поэтому неинформативна для исследователя-этнографа [Лебедева, Маслова 1956, 31]. Н. П. Гринкова в развитие этой мысли указывала на причины схожести мужского костюма разных групп русских: «...мужская одежда <...> является весьма неблагодарным материалом ввиду того <...>, что мужчины уже давно <...> восприняли ряд новых явлений, заслонивших старые черты» [Гринкова 1930, 361]. Эти два положения особенно справедливы по отношению к костюмным комплексам русских сибиряков, которые в местах проживания сме-

шанного населения утратили какие-либо характерные особенности. Поэтому исследователи большее внимание уделяют женской одежде.

Данная статья посвящена обзору женских и девичьих головных уборов. Обычно такой анализ обязательно включает упоминание о том, что вся одежда утилитарна, а головные уборы обладают символическими, магическими, сакральными функциями. Кратко остановимся на тех положениях, освященных авторитетом их авторов, которые лежат в основе этого утверждения.

Начало аналитического исследования традиционного костюма обычно связывают с идеей В. В. Богданова, который в 1914 г. назвал крой одежды ценным источником для изучения этнической истории. Для этого, считал он, необходима работа по выделению и изучению исторических типов одежды, которые могли бы быть «вехами для ориентации в глубинах времени» [Богданов 1914, 131]. Начался период создания классификаций одежды по ряду признаков и разработке типологий отдельных ее компонентов [Маслова 1994, 62–64]. Однако в это же время начинается изучение костюма с позиций скрытых в нем символов. Одной из первых исследовательниц в отечественной этнографии, реализующих такой подход, была Н. И. Гаген-Торн. В одной из ранних работ она особое внимание уделила роли головных уборов и волос, свода, правда, символизм головных уборов к различиям в положении девушек и женщин и в подчиненности вторых воле мужей [Гаген-Торн 1933, 76–77]. Развернуто рассмотрел тему знаков в одежде П. Г. Богатырев, декларировавший теоретическое рассмотрение функций народного костюма [Богатырев 1971, 299–301]. Следующий этап изучения этой темы можно связать с поздними работами Г. С. Масловой, в которых рассматривалась роль одежды в обычаях и обрядах [Маслова 1984, 50–62]. К настоящему времени стало обычным рассмотрение женских головных уборов через их символическую функцию [Калашникова 2016, 103–116].

Несколько замечаний об источниках, использованных в этой статье. По отношению к большей части русских сибиряков будет справедливым утверждение, что традиционный костюм в обоих его вариантах ушел в прошлое к середине XX в. Личный опыт автора, начавшего сбор полевых материалов в сельских поселениях Западной Сибири в начале 1980-х гг., свидетельствует, что уже тогда было трудно найти информированного собеседника даже среди людей, родившихся в начале XX в. Это свидетельствует о двух фактах. С одной стороны, знания о традиционном костюме у большинства респондентов считались поверхностными, с другой — они не интересовались этим вопросом, а их отношение к одежде и современной им моде оказывалось утилитарным. Тем не менее материалы по изучаемой теме собирались не только в 1980-е гг., но и десятилетиями позже, хотя и в незначительных объемах. Лучшими собеседниками были люди, увлеченные краеведением, местной стариной, различными видами рукоделия. Собранные материалы передавались на хранение в Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (далее — МАЭ ОмГУ). Автором этой статьи проведена работа на территории современных Омской, Тюменской и Новосибирской областей, в том числе на территории расселения казаков в Петропавловской, Павлодарской и Кокчетавской областях КазССР в 1982–2010 гг. Экспедиции же ОмГУ проводились в русских населенных пунктах с 1978 г. [Тихомирова, Блинова, 2015].

В качестве источников использованы материалы из словарей русских говоров Среднего Прииртышья, Приобья и Новосибирской области [Федоров 1979; Блинова 1982–1983; Блинова 1992–1993; Садретдинова 1992–1993], коллекции одежды Омского государственного историко-краеведческого и Новосибирского государственного краеведческого музеев [Одежда русских в коллекциях 2002], Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, включая ряд статей, опубликованных в конце XIX — начале XX в.

Приступая к описанию головных уборов, остановимся на их количестве в личном распоряжении девушек и женщин разного возраста. Таких свидетельств крайне мало. В статье известного сибир-

ского краеведа Г. Е. Катанаева, посвященной быту западносибирских казаков, приводятся сведения о количестве носильных вещей у членов средней по достатку казачьей семьи (табл. 2).

Таблица 2. Количество носильных вещей у женщин из средней по достатку казачьей семьи

Члены семьи по отношению к хозяину, их возраст	Всего предметов одежды	Головные уборы		Общая цена одежды (руб.)
		зимние	летние	
Жена, 38 лет	37	1	4	141,2
Мать, 60 лет	27	3	3	58,75
Дочь, 17 лет	43	5	4	109,4

Примечание. Составлено по: [Катанаев 1893, 11–15].

По нашей реконструкции, выполненной на основе материалов полевых исследований, хранящихся в МАЭ ОмГУ, и сведений из словарей русских говоров, можно уточнить данные Г. Е. Катанаева. К началу XX в. в средней по зажиточности семье у женщины в личном пользовании могло быть 3–4 шали и полуушалка, 2–3 платка и косынки, 2–3 повойника.

Все головные уборы можно разделить на несколько типов. Во-первых, они делятся на девичьи и женские. Использование

платков и косынок не было связано с матримониальным статусом, за исключением кружевной косынки файшонки — их носили женщины. Они же после замужества надевали кокошники и повойники, использовали вместе со специальной основой, крепившейся на голове. Девушки вплетали в волосы так называемые накосные украшения, которые в классификации одежды относят к головным уборам. В Сибири использовалось много местных названий для обозначения этих предметов (табл. 3).

Таблица 3. Традиционные названия головных уборов русских сибирячек в последней трети XIX — 30-х годов XX в.

Типы головных уборов	Традиционные названия
Платки	Дымка, кисейка, кокетка, котетка, марля, нашиванка, окрутка, подвязуха, поклёва, покрывало, уваль, тафа, ушалочка
Кружевная косынка	Вальшонка, файшонка, фальшонка, фаньжонка, шалфенка
Девичьи накосные украшения	Косник, надкосник
Основа для крепления головных уборов	Жуток, косоплётка, рубец, рубчик, обруч, тканица
Головные уборы типа кокошника	Баргалка, борона, кокошка, кокуйник, магерочка, наголовник, капор, кантур, сопец, шапец
Головные уборы типа повойника	Аракчинка, болгарка, навойник, наголовник, наколка, наколок, перевязка, повойник, подволосник, понаколок, уборчик, хохоляшки, чапельница, чепик, чепец, шамшура, шашмуря

Примечание. Составлено по материалам полевых исследований, хранящихся в МАЭ ОмГУ, и словарям русских говоров Среднего Прииртышья, Среднего Приобья и Новосибирской области.

Приступая к характеристике отдельных типов женских головных уборов, отметим, что общая тенденция развития народного костюма шла от упрощения традиционных кокошников и широкого распространения повойников к полной замене их платками и косынками. Этот общерусский процесс, видимо, начался еще в середине XIX в. и завершился в начале XX в. [Зеленин 1991, 254, 259]. В Сибири все происходило еще быстрее, потому что южнорусские головные уборы в смешанной переселенческой среде не использовались. Даже более нейтральные кокошники все равно осознавались в связи с происхождением их носителей. Практически вся информация, связанная с бытованием кокошников и повойников, в полевых исследованиях последней четверти XX в. собрана как воспоминания об одежде бабушек наших информаторов и относилась к началу XX в.

В одежде девушек уже с последней третьей XIX в. важное место занимали косынки или небольшие платки, повсеместно называемые кокетками (котетками) и больших размеров шали (ил. 1)¹. Известно, что получили распространение и девичьи ленты, некоторые из них выполнялись из дорогих шелковых тканей. В Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится девичий колпак, изготовленный из белого трикотажного полотна. Есть свидетельства бытования колпаков, или, как их здесь называли, чехликов, на территории современной Новосибирской области [Федоров 1979, 231].

Женщины использовали в качестве головных уборов платки больших размеров, обычно покупные. Наименее состоятельные слои населения в будние дни пользовались холщовыми платками из дотоканины, которые иногда назывались подвязухами. С конца XIX в. стали носить шалфенки или файшонки — косынки из кружевного полотна (ил. 2)². Молодые

женщины файшонку ничем больше не покрывали, старшие по возрасту повязывали поверх платок. Именно этот вид головных уборов и заменил уже в XX в. широко распространенные прежде кокошники и повойники.

До настоящего времени сохраняет значение классификация головных уборов Д. К. Зеленина [Зеленин 1991, 256]. Он выделял платки, чепцы, шапки и повязки. В этой схеме уборы из разных костюмных комплексов оказались связаны между собой путем развития от кички через сороку к кокошнику и функциональным назначением — они использовались по праздникам [Там же, 263].

Собранные материалы позволяют считать описанную Д. К. Зелениным эволюцию женских головных уборов характерной и для земледельческой полосы Сибири. Сохранились лишь отдельные упоминания о головных уборах, подобных кичке с рогами, которые назывались сопец, кapor, кантур, наголовник. Самы женщины склонны при объяснении формы таких головных уборов оперировать понятием «кокошник»: «По праздникам сопец одевали, такой с рогами, кокошник это» [Федоров 1979, 510]. Результатом развития старинных кичек/кокошников Зеленин считал обручи из ткани. Он видел в них бывшие рога, положенные на голову плоско. Функционально такие обручи использовали как основу для крепления головных уборов [Зеленин 1991, 259]. В Сибири этот элемент одежды встречался часто. Информаторы второй половины XX в. воспринимали его исключительно как средство улучшить свой внешний вид: «Если у какой волосы жидкие были, шили рубчик из тряпок под платок, чтоб выше было» [Садретдинова 1993, 232]. Однако идею Зеленина отчасти подтверждает то, что вспомогательный, казалось бы, элемент впервые надевали на голову молодой на свадьбе.

¹ Катанаев В. Г. Типы казаков. Сибирские казаки на службе и дома: Фотоальбом. Омск, 1911. Из открытых интернет-источников.

² Фотография с CD-диска «Быт Енисейской губернии конца XIX — начала XX в.», выпущенного Красноярским краевым краеведческим музеем. 2003 г.

Ил. 1. Девицы казачьего поселка Кокчетавского уезда. Фото В. Г. Катаева. 1911 г.

Fig. 1. Girls of the Cossack village of Kokchetav district. Photo by V. G. Kataev. 1911

Повседневные же головные уборы (чепцы или повойники) носили, по мнению Д. К. Зеленина, интимный характер, что делает обязательным их использование в сочетании с платком. Кокошники постепенно вытеснялись из употребления легкими повойниками, у которых появились и нарядные формы. В Сибири они назывались по-разному (табл. 3), но наиболее распространен был термин «шамшура» или «шашмуря». Этот головной убор представлял собой достаточно жесткую шапочку из двух основных частей — плотного донца, kleennogo из нескольких слоев ткани, и очелья на подкладе. Традиционные шамшуры несколько отличались друг от друга по крою. В одном случае они шились цельными, как шапочка. В другом варианте между незамкнутыми концами очелья вшивался клапан, внизу которого оставался зазор для вздержки. Шамшуру стягивали до нужного размера шнурком, который кре-

Ил. 2. Крестьянская семья из д. Ловатской Канского уезда Енисейской губернии.
Автор неизвестен, не позже 1905 г.

Fig. 2. A peasant family from the village of Lovatskaya, Kansk uyezd, Yenisei province.
Author unknown, not later than 1905

Ил. 3. Шамшура. Из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея, инвентарный номер 19927-7. Фото Д. Г. Коровушкина. 2002 г.

Fig. 3. Shamshura. From the foundations of the Novosibirsk Article Museum of Local Lore, inventories number 19927-7. Photo by D. G. Korovushkin. 2002

пили внизу изделия. У всех шамшур был укреплен небольшим тканевым валиком соединительный шов между очельем и донце. Подклад шили из плотной ткани, чаще всего из домашнего холста или полотна (ил. 3)³.

Шамшуру надевали на женщину на второй день свадьбы в праздничной обстановке. Но все-таки это был повседневный головной убор. Его носили под платком, который складывали как ленту и повязывали поверх очелья, оставляя донце на виду. В конце XIX — начале XX в. появился ряд головных уборов, заменявших шамшуру в будние дни. Один из них, совершенно новый по крою, сохранил, однако, традиционное название. Представлял он собой мягкий чепец из ткани. Донце в нем трансформировалось в длинную деталь, покрывающую голову и шею, а крепился он на двойном тканевом очелье, которое переходило в завязки. Другой повседневный головной убор — уборчик — оставался, по сути, шапочкой.

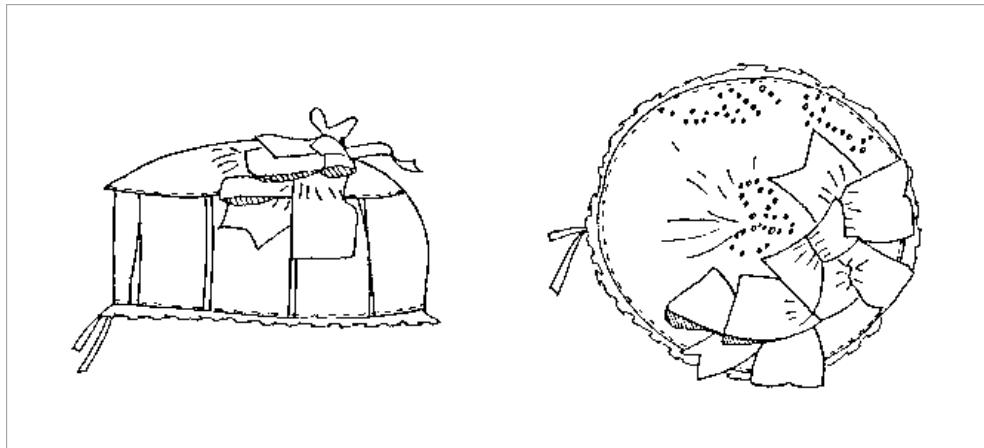
Его шили, соединяя замкнутое донце и очелье. Сверху в несколько рядов пришивали тканевые воланы или кружево. Третий вариант развития шамшуры — праздничные головные уборы из шелка и атласа, украшенные атласными лентами, бисером, бусами — «наколки» (ил. 4)⁴. Они состояли из очелья и верхней части. Внизу такой шапочки делали вздержку, чтобы собирать головной убор по голове.

Женские головные уборы чаще всего изготавливали из покупных тканей. Платки в основном приобретались готовые. Высоко ценились шерстяные («кашемировые») шали и полуушалки с яркими цветами.

Праздничные головные уборы декорировали разными способами. Традиция расшивать верхушки женских головных уборов золотой нитью сложилась еще в костюме русских Европейской России [Зеленин 1991, 263–265] и была характерна для сибирского костюма до последней трети XIX в. Л. М. Русакова считала, что расшитые золотом головные уборы могли частично ввозиться из Европейской России, а частично производиться в самой Сибири. Один из центров золотного шитья находился в Тюменском уезде Тобольской губернии [Русакова 1989, 133]. Для вышивки золотыми нитями были характерны стилизованные растительные орнаменты, хотя встречались геометрические и криволинейные фигуры. Ремесленное изготовление верхушек головных уборов способствовало распространению одних и тех же орнаментов вышивки на большие расстояния без изменений. В коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея и Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся как минимум две пары одинаковых орнаментов (инвентарные номера предметов ОМК 2145 и ТМ 8445, ОМК 2534 и ТМ 8440). Почти одинаковы образцы вышивки, хранящиеся в коллекции

³ Источник: Фотография к изданию «Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея» (отв. ред. Н. А. Томилов, Д. Г. Коровушкин. Новосибирск, 2002. С. 120–121).

⁴ Источник: Рисунок к неизданной рукописи «Одежда русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея» (отв. ред. Н. А. Томилов). Омск, 1996.

Тобольского музея под номерами ТМ 8439, ТМ 8442, ТМ 8489. Большинство вышивок золотой нитью выполнено гладью вприкреп, в более поздних работах конца XIX в. встречается использование тонкого шнура из канители.

Украшали не только праздничные женские головные уборы, но и повседневные. Использовавшиеся материалы и техники разнились по трудоемкости и цене. Вышивка золотой нитью была, по словам респондентов, самой дорогой. Появившиеся на рубеже веков наколки сочетали в себе элементы вышивки бисером и блестки, были украшены лентами и кружевом. Для декорирования одежды применяли разнообразные техники ручного, машинного шитья и вязания. В этой связи важен существенный вопрос о том, кто выполнял эту работу. В семьях редко кто имел хорошие навыки шитья и вышивания. Девушки и женщины могли украсить ткань браньми узорами и умели вышивать относительно простыми швами — крестом, гладью и популярной в Сибири выбивкой, прорезной вышивкой, сейчас больше известной как ришелье. Однако сложную работу, такую как вышивка золотой нитью, декорирование изделий сложными композициями с использованием бисера, лент, шелковых нитей, обычно выполняли профессиональные мастерицы, и такого рода головные уборы приобретались на рынке. Для удешевления вещей иногда покупали заготовки, например, расшитые донца шамшур.

Ил. 4. Наколка (прорисовка). Из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея, инвентарный номер 2394. Рисунок Я. Смertiны. 1996 г.

Fig. 5. Nakolka. From the funds of the Omsk State Museum of Local History, inventory number 2394. Drawing by Ya. Smertina. 1996

Из изложенного можно сделать несколько выводов.

Описанные типы женских головных уборов можно отнести к двум комплексам костюма — традиционному и «городскому». Обычно новые по крою и материалам элементы костюма используются как праздничная одежда. С головными уборами получилось иначе. Для городского комплекса были характерны облегченные формы головных уборов, которые быстро превратились в удобную повседневную одежду. А дорогие традиционные уборы сохранились как праздничные. Вершиной упрощения стали платки, а новшеством — их повязывание под подбородком. Похожие на платки традиционные для восточных славян полотенчатые головные уборы завязывались чаще всего на затылке.

Причиной быстрого распространения новых носильных вещей стало стремление создать такой общепринятый костюм, который был бы приемлем для всех с эстетической и финансовой точек зрения. Процесс трансформации костюмных комплексов начался в период массового приезда поселенцев, находившихся в стесненных обстоятельствах, значит, ко-

стюм не мог быть вычурным и дорогим, особенно в будни.

Городской костюм, дешевый и удобный, изготавлившийся из покупных тканей, быстро распространялся, превратившись в модный. Это серьезно ограничивало сферу применения традиционной одежды. П. Е. Бардина, анализируя этот процесс, писала: «...устойчивость покроев и длительность бытования этого (городского) костюма позволяют его считать <...> не просто копией городской одежды, а

Источники и материалы

Блинова 1982–1983 — Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья): В 2 т. / Под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983.

Блинова 1991–1995 — Полный словарь сибирского говора: В 4 т. / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991–1995.

Богданов 1914 — Богданов В. В. Из истории женского южновеликорусского костюма // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 141–151.

Гаген-Торн 1933 — Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 76–88.

ГИАОО. Ф. 382. Оп. 2. Д. 92 — Дело о разводе Тарского мещанина Никиты Сыщикова с женой Устиньей. 1805 г. // Государственный исторический архив Омской области. Ф. 382. Оп. 2. Д. 92. 28 л.

Григорьев 1885 — Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М.: [б. и.], 1885.

Гринкова 1926 — Гринкова Н. П. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1–2. С. 83–96.

Гринкова 1930 — Гринкова Н. П. Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. М.: [б. и.], 1930. С. 324–330.

Зеленин 1914 — Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг.: [б. и.], 1914. Вып. 1.

Катанаев 1893 — Катанаев Г. Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1893. Т. XV. Вып. 2. С. 1–38.

Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея / Отв. ред. Н. А. Томилов, Д. Г. Коровушкин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002.

скорее видом традиционной крестьянской одежды» [Бардина 1995, 158]. Учитывая несомненную генетическую связь новых и старых видов одежды, не следует противопоставлять один костюм другому. Постепенность замены одних форм на другие скорее свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. совершился очередной цикл развития народного костюма, а специфичные условия регионов со смешанным населением, таких как Сибирь, служили катализатором процесса.

Первая всеобщая перепись 1904–1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: В 119 т. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. СПб., 1905; Т. LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904; Т. LXXXIII. Енисейская губерния. СПб., 1904; Т. LXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904; Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб., 1904; Т. LXXII. Амурская область. Тетр. 2. СПб., 1905; Т. LXXVI. Приморская область. Тетр. 3. СПб.: Изд. центр. стат. комитета МВД, 1905.

Садретдинова 1992–1993 — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: В 3 т. / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.

Садретдинова 1993 — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 2 / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.

Федоров 1979 — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1979. 608 с.

Исследования

Бардина 1995 — Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995.

Бережнова 2003 — Бережнова М. Л. Изменения в традиционном костюме русских Западно-Сибирской равнины в последней трети XIX — начале XX в. // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.: Очерки истории и быта / Отв. ред. М. Л. Бережнова, Д. А. Алисов. Омск: Наука, 2003. С. 106–124.

Богатырев 1971 — Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 297–368.

Зеленин 1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.

Кабузан 1979 — Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII —

начале XX века (1795–1917 гг.) // *Отечественная история*. 1979. № 3. С. 22–38.

Калашникова 2016 — Калашникова Н. М. Семиотика народного костюма: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУПТД, 2016.

Кутенков 2011 — Кутенков П. И. Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. Середина XIX–XX вв.: В 2 ч. СПб.: РГО, 2011.

Лебедева, Маслова 1956 — Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда как материал к этнической истории народа // *Советская этнография*. 1956. № 4. С. 18–31.

Маслова 1994 — Маслова Г. С. Из истории восточнославянской этнографии: о жизни и творчестве Н. И. Лебедевой // *Рязанский этнографический вестник*. 1994. С. 48–105.

Маслова 1955 — Маслова Г. С. Опыт составления карт распространения русской народной одежды // *Краткие сообщения Института этнографии*. 1955. Т. XXII. С. 12–20.

Русакова 1989 — Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

Скляров 1962 — Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.

Тихомирова, Блинова 2015 — Тихомирова М. Н., Блинова А. Н. Этнографические материалы в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015.

© М. Л. Бережнова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бережнова М. Л. <http://orcid.org/0000-0002-3361-7694>

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва: Российская Федерация, 644077, г. Омск, ул. Андрианова, д. 28; тел.: +7 (3812) 28-56-02; e-mail: berezh@bk.ru

When in Rome, Do as the Romans Do: Russian Female Headgear of the West Siberian Agricultural Belt in the Nineteenth — First Third of the Twentieth Century

Marina L. Berezhnova

(Siberian branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage: 28, Andrianov str., Omsk, 644077, Russian Federation)

Summary. This article examines the headdresses worn by Russian Siberian women, providing a typology and frequency by age group. It reviews changes in design and style over time and discusses how headdresses fit into Russian Siberians' traditional attire. The emergence of both traditional and urban costume styles at the turn of the nineteenth to twentieth century is also addressed. The article describes the rejection of traditional dress as a response to the challenges of society that arose in areas of mass migration. In the agricultural belt of Siberia, this meant the mixing of Russians from different regions of Russia. Competition among local traditions leads folk culture to adopt universal elements and lose regional distinctions. Costumes become standardized and influenced by fashion and market forces. The article notes that Siberia's experience is typical; similar changes occur in areas of mass resettlement, as seen in the Lower Volga region.

Key words: Russians of Western Siberia, traditional costume, "urban" costume, women's headdress.

Acknowledgements. The article was written in accordance with the research plan of the Siberian Branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Received: April 14, 2025.

Date of publications: September 25, 2025.

For citation: Berezhnova M. L. When in Rome, Do as the Romans Do: Russian Female Headgear of the West Siberian Agricultural Belt in the Nineteenth — First Third of the Twentieth Century. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 114–126. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.012>

References

- Bardina P. Ye.** (1995) *Byt russkikh sibiryakov Tomskogo kraya* [The Everyday Life of Russian Siberians in the Tomsk Region]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta. In Russian.
- Berezhnova M. L.** (2003) *Izmeneniya v traditsionnom kostyume russkikh Zapadno-Sibirskoi ravniny v poslednei treti XIX — nachale XX vv.* [Changes in the Traditional Costume of Russians of the West Siberian Plain in the Last Third of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. In: *Traditsionnaya kul'tura russkikh Zapadnoi Sibiri XIX-XX vv. Ocherki istorii i byta* [Traditional Culture of Russians of Western Siberia in the Nineteenth — Early Twentieth Centuries. Essays on History and Everyday Life]. Ed. by M. L. Berezhnova, D. A. Alisov. Omsk: Nauka. Pp. 106–124. In Russian.
- Bogatyrev P. G.** (1971) *Funktsii kostyuma v Moravskoi Slovaki* [Functions of Dress in Moravian Slovakia]. In: *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of Folk Art Theory]. Moscow: Iskusstvo. Pp. 297–368. In Russian.
- Zelenin D. K.** (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [Eastern Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka. In Russian.
- Kabuzan V. M.** (1979) *Zaselenie Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XVIII — nachale XX veka (1795–1917 gg.)* [The Settlement of Siberia and the Far East in the Late Eighteenth — Early Twentieth Centuries (1795–1917)]. *Otechestvennaya istoriya* [Fatherland History]. 1979. No. 3. Pp. 22–38. In Russian.
- Kalashnikova N. M.** (2016) *Semiotika narodnogo kostyuma: Ucheb. posobie* [Semiotics of Folk Costume]. St. Petersburg: Izd-vo SPBGUPTD. In Russian.
- Kutenev P. I.** (2011) *Yuzhnorusskaya narodnaya odezhda. Chernavskaya krest'yanskaya rodovaya kul'tura. Seredina XIX-XX vv.* [South Russian Folk Dress. Chernavskaya Peasant Clan Culture. The Middle of the Nineteenth-Twentieth Centuries]. In 2 parts. St. Petersburg: RGO. In Russian.
- Lebedeva N. I., Maslova G. S.** (1956) *Russkaya krest'yanskaya odezhda kak material k etnicheskoi istorii naroda* [Russian Peasant Clothing as Material for Ethnic History]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1956. No. 4. Pp. 18–31. In Russian.
- Maslova G. S.** (1994) *Iz istorii vostochnoslavyanskoi etnografii: o zhizni i tvorchesvye N. I. Lebedevoi* [From the History of East Slavic Ethnography: On the Life and Work of N. I. Lebedeva]. *Ryazanskii etnograficheskii vestnik* [Ryazan Ethnographic Bulletin]. Pp. 48–105. In Russian.
- Maslova G. S.** (1955) *Opty sostavleniya kart rasprostraneniya russkoi narodnoi odezhdy* [An Attempt to Map the Distribution of Russian Folk Clothing]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografi* [Brief Communications of the Institute of Ethnography]. 1955. Vol. XXII. Pp. 12–20. In Russian.
- Rusakova L. M.** (1989) *Traditsionnoe izobrazitel'noe iskusstvo russkikh krest'yan Sibiri* [Traditional Fine Art of Russian Peasants of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. In Russian.
- Sklyarov L. F.** (1962) *Pereselenie i zemleustroistvo v Sibiri v gody stolypinskoi agrarnoi reform* [Resettlement and Land Management in Siberia During the Stolypin Agrarian Reform]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. In Russian.
- Tikhomirova M. N., Blinova A. N.** (2015) *Etnograficheskie materialy v arkhive Muzeya arkheologii i etnografi Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. M. Dostoevskogo* [Ethnographic Materials in the Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the F. M. Dostoevsky]. Omsk: Izd-vo OMGU. In Russian.

© M. L. Berezhnova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Berezhnova <http://orcid.org/ 0000-0002-3361-7694>

E-mail: berezh@bk.ru

Tel.: +7 (3812) 28-56-02

28, Andrianov str., Omsk, 644077, Russian Federation

PhD in History, Senior Researcher, Siberian Branch, the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)